

Выражает то лицо...

ВЕРНИСАЖ

Знаете, почему я завидую художникам? Пожалуй, лишь люди этой профессии в ответ на любую критику могут отрезать: «А я так вижу!» – и будут правы.

Ну, ничего же не поделаешь с тем, что у художника так хитро глаз устроен! И то, что вы, зрители, ничего не понимаете в изображенном, это ваши личные проблемы: недостаток художественного образования, иное мировоззрение, мешанские вкусы наконец. И вообще кому не нравится, может перейти на другую сторону улицы. Факт-то остается свершившимся: вот музей, вот открывшаяся в его стенах выставка, которую художник может смело записать в свое творческое досье как несомненную удачу. И при подготовке других экспозиций неизменно упоминать в пресс-релизах о ней – «персональная выставка в Ярославском художественном музее». И зрители будущей выставки, держа эту информацию в голове, уже заранее будут ею «зомбированы»: пусть мы ничего не понимаем, но если в солидном музее такое выставлялось, значит, в этом действительно что-то есть. А у нас – недостаток художественного образования, иные мировоззрения и далее по тексту.

На такие – отчасти грустные, отчасти злые – размышления меня навел вернисаж выставки костромского художника Владимира Тюриня, состоявшийся, как вы уже, наверное, догадались, в залах художественного музея. Название экспозиции лаконично и конкретно – «Лицо». Но обойдя по периметру два зала и пристально вглядываясь в каждое из представленных полотен, я тщетно пыталась найти хоть одно конкретное лицо. Их просто-напросто нет. Что же есть на холстах? Контур, проблеск каких-то черт, цветовое нагромождение. Одно, пожалуй, присутствовало – экспрессия. И настроение – жесткое, навязчивое до агрессивности.

Пожалуй, предложенным материалом были не менее зрителей удивлены и костромичи, прибывшие поддержать своего автора. Так, начальник управления культуры Костромы Татьяна Гатчина с некоторой запинкой прокомментировала, что она сама «открывает для себя новые черты творчества своего земляка». Но с мажорного настроения организаторы выставки все-таки старались не сбиваться: говорили о творческих связях двух городов, об общности культурных начал и обо всем прочем, о чем принято говорить в подобных ситуациях. Поддержать героя экспозиции прибыл и фольклорный ансамбль «Венец» под руководством Александра Дружинина. Но громкий, задорный «Тимошин перепляс» с трещотками, захватским подвизгиванием «И-эх!», эхом

прокатывающийся по полупустым музейным залам вместо ожидаемого веселья, лишь четче обозначил диссонанс. Музыка, безусловно, хороша, но в другой ситуации – на ярмарке, на концерте. Да выставляйся в данную минуту в залах нечто самобытно-фольклорное – и то переплясы были бы в тему. А тут...

– Это что здесь, стесняюсь спросить, изображено? – деликатно покашливая, поинтересовалась мой попутчик, историк и писатель Ярослав Смирнов.

– Лицо, – отвечаю.

– А не соблаговолите ли вы мне, человеку, далекому от современной живописи, объяснить, что оно выражает?

Подвергшись очередному частушечному переплясу, ляпнула в тему: «Выражает то лицо, чем садятся на крыльцо».

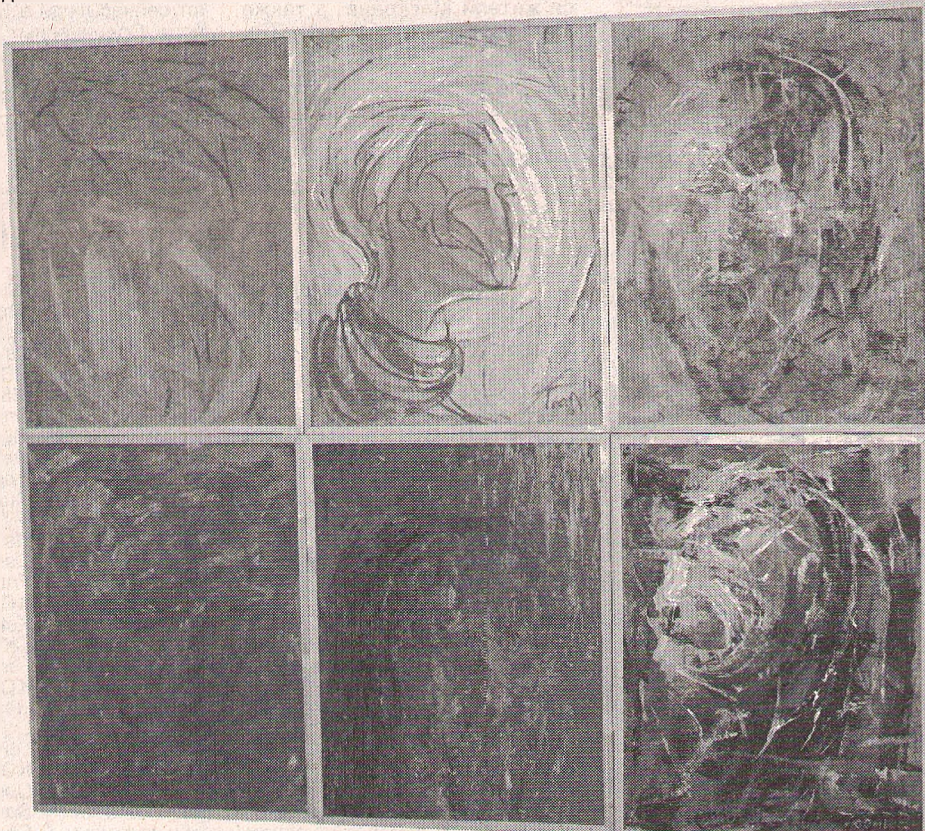
Рядом явно маялся знакомый фотограф одной из местных газет.

Может, хоть умные слова что-то прояснят в сознании.

– А я не знаю, – развела она руками, – тут что-то о неозэкспрессионизме говорили. Так, наверное, это самое и есть.

В голове ничего не прояснилось, зато стало окончательно понятно: неозэкспрессионизм я не люблю и не понимаю. Могу смело переходить на другую сторону улицы, дабы не травмировать свое сознание.

А ведь если судить по словам самого Владимира Тюриня, писал он до этих, с позволения сказать «лиц», совсем другое: пейзажи, работал как график. «Лица» же эти он накидывал на холсты как наброски – вдруг пригодятся в будущем как идеи? И ведь пришла же в голову какому-то его другу, тоже художнику, светлая мысль: «Все, что делал до этого, брось и забудь. Пиши именно лица». Вот и стал писать Владимир Тюрин то, что оценил

– Тоскуешь?

– Да снимать что-то надо, но вот что? И вообще ассоциации у меня какие-то патолого-анатомические. Цвет был снят, так газета черно-белая...

Не желая так просто сдаваться, поинтересовалась у куратора выставки искусствовед Людмила Макаровой, как называется стиль, в котором работает художник.

коллега по цеху. Сам он называет свои холсты «живописными набросками», мотивируя, что все это – «поиски человеческого «я»».

Поиски эти завели художника очень далеко. Так далеко, что с позиции современного зрителя уже и не рассмотреть, и не понять, а что, собственно, этим поиском хотел нам сказать художник.

Лариса ДРАЧ.